
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И СУДЬБА РОССИИ

Шестнадцать лет прошло с распада Союза, а мы, жители некогда великой державы, до сих пор не можем определиться – в каком государстве живём. То ли это по-прежнему империя, сообщество народов, подчинённых служению некой наднациональной цели, то ли национальное государство. Небезызвестная реплика В. Путина о том, что только придурки могут думать, будто Россия – для русских, показывает, какая сумятица царит в головах не только простых обывателей, но и руководителей страны.

Высказаться по этой проблеме редакция предложила С. Кургиняну. Однако статья у известного политолога получилась, на наш взгляд, односторонней, вызывающей на спор. Поэтому мы пригласили к продолжению разговора видного политика, депутата Госдумы В. Алксниса (его материал публикуется вместе со статьёй С. Кургиняна), яркого публициста, издателя “Национальной газеты” А. Севастьянова, а также депутатов, аналитиков, писателей, принявших участие в “круглом столе” “Миграция или замещение?” (эти материалы будут напечатаны в октябре). Мы надеемся, что в обсуждении проблемы примут участие и читатели “Нашего современника”.

СЕРГЕЙ КУРГИНЯН

ВТОРОЙ ФРОНТ

Могут ли против русских применить оружие “а ля рус”?

ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

Войну с русскими никто не отменял и не отменит. Если Россия не станет достаточно сильной в предельно короткие сроки, ее будут добивать. Весь вопрос – как?

Пока что ядерного оружия у России все же немало. И вариант попытки разобратся с нею с помощью нанесения первого ядерного удара, после которого она не сумеет ответить, не является основным. Он тоже рассматривается. Иначе не было бы возмутительно-однозначных статей в высокостатусной американской прессе.

Но главный сценарий доуничтожения России – “управляемый хаос” на ее территории. По аналогии с распадом СССР. Управляемый хаос противник со-

---

КУРГИНЯН Сергей Ервандович родился в 1949 году в Москве. Окончил Московский геологоразведочный институт и режиссёрское отделение Театрального училища им. Щукина. Кандидат физико-математических наук. Президент Международного общественного фонда “Экспериментальный творческий центр”. Главный редактор журнала “Россия-XXI”. Автор книг “Постперестройка”, “Седьмой сценарий”, “Россия: власть и оппозиция”, “Слабость силы” и др. Живет в Москве

здает, применяя так называемое организационное оружие (“оргоружие”). Какое именно? В чем тут преемственность по отношению к эпохе распада СССР? И в чем новизна? Особенно важно уловить эту самую новизну.

Традиционно считается, что единственной разновидностью оргоружия, с помощью которого атакуются русские именно как русские (как народ), является русофобия. Я вовсе не склонен опровергать факт наличия русофобии в качестве средства войны с русскими как народом. Может быть, я мог бы добавить нечто существенное к имеющимся обсуждениям этого вопроса. Но не это сейчас мне представляется наиболее актуальным.

Дело даже не в том, что русофобия поутихла. Хотя во всем, что касается нашей автохтонной действительности, она, конечно же, поутихла. Дело в том, что этот фронт худо-бедно, но защищен. Опять же, я не буду подробно обсуждать качество защитных сооружений. По мне, так эти редуты очень архаичны и легко преодолимы любым достаточно компетентным врагом, использующим современные средства.

Но я сейчас хочу просто констатировать – этот фронт хоть как-то прикрыт. Русское сознание хоть как-то готово к тому, что на него обрушится шквал уничижений, дискредитаций, проклятий. Шквал острого и очевидного негатива. А когда русское сознание к чему-то готово, оно способно сопротивляться даже очень мощным вызовам и угрозам.

Противник не дурак. Он эту способность давно осознал. И не просто осознал, а вскрыл всеми современными методами. Как дифференциальными, так и интегральными. Как с позиции анализа, так и с позиции синтеза. А вскрыв (то есть построив модели), он, конечно же, сделал правильный вывод.

Суть этого вывода (в данном случае не умозаключаю, а знаю) в том, что долго подвергать русское сознание лобовым негативистским атакам попросту неэффективно. То есть бои на этом направлении надо вести – но скорее как позиционные. Время “русофобского блицкрига” в целом позади. Противник кардинально поменял стратегию. А наша патриотическая общественность все еще занята прежней (привычной и понятной) русофобской угрозой. К которой она так долго примерялась. Увы, как справедливо отметил Уинстон Черчилль, “генералы всегда готовятся к прошлой войне”.

Между тем новая антирусская война, в отличие от войны прошлой, к которой готовятся генералы, будет принципиально иной. Русских уже не будут шельмовать на старый манер. То есть будут – но как бы не всерьез. Не с тем накалом, не с теми ставками на результат. Теперь русским будут особым образом льстить. Льстить коварно и разрушительно. То есть теперь война будет вестись на два фронта. Первый – русофобский – станет почти что декорационным. А вот второй...

Все расчеты говорят о том, что второй фронт в будущей антирусской войне будет псевдо-прорусским. Впрочем, почему будет? В каком-то смысле это прорабатывается с очень давних времен.

ИДЕОКРАТИЯ КАК РУССКОЕ НОУ-ХАУ

И Советский Союз, и Российская империя были идеократиями (коммунистической или православной). Нельзя сказать, что идеократия – это системообразующий принцип, положенный в основу любой империи. Но есть определенный тип империи, который задается именно идеократическим системообразующим принципом. Речь может идти о религиозной или светской идеократии. Никто так прочно не связал себя с идеократической государственностью, как русские. И связь эту уже не разорвать – если, конечно, мы предполагаем выжить. Для того чтобы ее разорвать, у нас не хватит исторического времени. Оно фактически на исходе.

Империя далеко не всегда носит колониальный характер. Русская империя не имела такого характера. Она относилась к разряду империй духа (или, если хотите, смысла). Рассматриваемый тип империи (ряд теоретиков называет этот тип конгломератами) может быть метафорически представлен как потолок с висящими на нем люстрами. «Потолок» – это идея (коммунистическая, православная), «люстры» – народы. Так были устроены Австро-Венгрия, Османская империя. И, разумеется, империя Российская. В каждом отдельном случае, конечно, были народы-держатели. Австрийцы, турки, русские. Но расши-

рение империи и необходимость надэтнического консенсуса в ее пределах придавали специфический характер амбициям народа-держателя.

Сказать, что этот народ всех кормил, а себя держал на голодном пайке – конечно, неверно. Это один из спецмифов, которые используют оргоруужейники, работающие на подрыв собирательного потенциала той державы, в которой народ-держатель себя реализует в качестве исторической личности. Народ-держатель, конечно, за это платит. Но он еще дороже заплатит, если ослабеет собирательный потенциал. Потому что в этом случае он из народа-держателя превратится в туземный народ. И будет не с кем-то как-то делиться, а отдавать другим все.

Миф о том, что народ-держатель (будь то русские, турки, австрийцы, греки или кто-то другой) должен слишком дорого платить за соби́рание других народов под своей эгидой – это спецмиф. Такой спецмиф – разновидность организационного оружия. То есть средство разрушения чужой организации в интересах конкурента.

Но любой спецмиф имеет базу в реальности – иначе он не спецмиф, а банальная и легко разоблачаемая брехня. “Старший брат”, конечно, получает некие дивиденды от братства. Но ведь он не только дивиденды получает! Отнюдь не только! И очень часто в прагматическом смысле жертвы превышают дивиденды. Но оправдание подобного превышения есть. Только оно носит не до конца прагматический характер. Это и есть “потолок” в моей метафоре – идея, смысл, историческое предназначение, высшая правда.

РУССКОЕ НОУ-ХАУ — И ВОЙНА С НИМ

Если русское ноу-хау – это идеократия, то война с русскими предполагает, прежде всего, подрыв их государствообразующей идеологии. Называется эта идеология “православие” или “коммунизм” – неважно. Нужно нарушить прочность “потолка”, и всё сразу же станет рушиться. Нельзя удерживать “люстры”, если “потолок” начинает сыпаться. Как только он начнет сыпаться, все “люстры” обвалятся вслед за ним. Потому что они, “люстры” эти (то бишь народы), сразу перестают понимать, зачем им быть вместе? Зачем, если нет проекта, “идеопотолка”?

Советский Союз – это союз делателей коммунистического проекта. Если нет проекта – зачем союз?

Российская империя собирала народы под другой, некоммунистической, тип универсума. Сейчас принято считать этот (православный) тип универсума подлинно русским. А коммунистический – чужим и зловердным. Я не намерен в коротком исследовании на другую тему все это заново обсуждать. Возможна и такая точка зрения. Тут все определяют ценности. Но если все же, предполагая возможность оргоруужейной агрессии, эти самые ценности... конечно, не за скобку вывести, это невозможно, а погрузить в определенный контекст, то обнаружатся определенные моменты по части, так сказать, “державного сопромата”.

Во-первых, этот сопромат в условиях православного собирательства обязательно наткнется на ограничения со стороны иноконфессиональных народов. Трудно объяснить иноконфессиональным народам, почему чужая конфессия должна быть смысловым стержнем общей державы. Объяснения с позиции силы недостаточно. Это важное объяснение, но нужны и другие. Возьмем, например, ислам. Почему исламские народы России, для которых Османская империя – это последний священный халифат, должны так страстно желать креста над Святой Софией? Как создать убедительный корпус аргументации?

Я не могу сказать, что этим не занимались. Этим занимались всюду, адресуя разным собираемым конфессиям разный тип аргументации. Зачастую, между прочим, достаточно тонкий. Буддистам (в России были народы, исповедующие буддизм) говорилось, что Белая Царица – это Тара, а православие – не более чем поверхностный слой, за которым просвечивают иные смыслы. И исламу указывали на нечто подобное. Но это лишь сглаживало противоречия, а не убирало их.

В XX веке возникли новые трудности. Имя им – светскость. Ты оперируешь религиозным содержанием, собирая страну. А у тебя часть населения не верит в Бога. А раз не верит в Бога, то начинает замещать религиозную иден-

тификацию светско-националистической. И все раздирается на клочки. К великой радости “оргоружейных дел мастеров”.

У коммунистического проекта был другой “сопромат”. Все конфессии оказывались в равных отношениях со светской накаленной идеологией. Религии могли интерпретировать эту идеологию под своим углом зрения. Светские люди — под своим. В итоге что-то удалось собрать заново. И удержать в условиях очень серьезных внешних нагрузок.

Опять подчеркну, я не о ценностях. Я о “сопромате”, и только.

И еще раз о главном: державы рассматриваемого мною “потолочного” типа собираются под проект. Если нет, например, коммунистического проекта — какой Советский Союз? И каков бы ни был проект, держава “потолочного” типа рухнет вместе с исчерпанием проекта.

Она рухнет или ее рушат?

Общность, формирующая государство, имеет много общего с личностью. У этой общности есть сознание, подсознание, сверхсознание. Назовите эту общность “общество”. Есть ведь общественное сознание! А если оно есть, то есть и подсознание, готовое взорваться самым разрушительным образом. Потому что в этом подсознании всегда спят комплексы, вчерашние обиды. И спят они до тех пор, пока есть сверхсознание. Оно же “потолок”. Или “идейное небо”.

Иными словами, есть этот “идейный рай” (использую термин как метафору для разъяснения — в противном случае придется слишком долго обсуждать научные вещи). Есть антитеза рая — ад (он же подсознание). И есть мир общественного сознания, устойчивый лишь до тех пор, пока рай господствует над адом.

Нарушить устойчивость может штурм “идейного неба”. Этот штурм и провели оргоружейники второй половины 80-х годов. Назывался он “борьба с абсурдами коммунизма”. Понимаю, что кто-то воскликнет: “Ведь абсурды-то были!” Я не собираюсь спорить. Этот спор уведет нас в никуда. Я прошу читателя о другом. Пусть он абстрагируется от конкретики. И вместо оной увидит “потолок” и людей, чья задача просто обвалить этот “потолок” вместе с “люстрами”.

Так вот, людям этим что коммунизм, что православие, что ислам, что даосизм. Люди не переживают чужие ценности. Они работают. И будут работать.

Если они работают с государством идеократического типа и обществом, чьи традиции основаны на идеократии, то куда они направят первый удар?

Первый удар в этом случае будет направлен в сердце державоустроительной идеи. В этот державоустроительный рай. Как только рай удастся повредить — проснется ад.

Тогда пора наносить второй удар. Он должен разбудить ад спящих комплексов. Вначале — спящих комплексов малых народов. Ведь никто не может собрать народы одним “райским пением идеального”. Можно, возражая Бисмарку с его “собираательством железом и кровью”, воскликнуть: “А мы попробуем любовью!”. Можно даже в чем-то опереться на этот принцип. Но любой вменяемый человек понимает, что до конца на него опереться нельзя. “Дрожи, Кавказ, идет Ермолов!” — и так далее.

Короче, всегда можно разбудить этот ад, если поврежден рай. Если сверхсознание подорвано, всегда можно взорвать подсознание.

Но этим все не исчерпывается. Нужен еще третий удар. И его обязательно спланирует и осуществит любой “оргоружейный киллер”.

Этот третий удар должен разбудить уже не периферийные (армянские, азербайджанские, эстонские, чеченские) спящие комплексы. Он должен разбудить русский ад — спящий комплекс главного народа. Народа-держателя.

ОТ ТЕОРИИ К ИСТОРИИ

Вспомним распад СССР. Сначала нужно было объединить всех антикоммунистов для того, чтобы стереть в порошок державообразующий красный смысл. Повторяю — не будем спорить о том, хорош этот смысл или нет. В компактном анализе мы никогда не опровергнем (и даже просто не обсудим всерьез) все то, что было сказано о негативных чертах коммунизма, ставшего государственной идеологией (и даже религией) СССР.

И я не собираюсь обсуждать, в какой степени русский антикоммунизм был криком души, а в какой — оргоружейным приемом. Я не хочу смаковать — кто, когда, какие цифры жертв коммунизма называл и что потом оказалось. Я просто предлагаю вместо дежурного “коммунизма” еще раз увидеть “люстры” и “потолок”.

Ведь анализ подобного рода делается не для того, чтобы в очередной раз обозначить свои идеологические пристрастия. Я их никогда не скрывал. А в чем-то даже и преувеличивал. Потому что для меня эти пристрастия ну никак не были эквивалентны любви к кому бы то ни было — Брежневу, Суслову, Сталину, Маленкову, Зиновьеву, Ленину. Просто я верил и верю, что русский народ увидел в коммунизме нечто высшее и созвучное русской миссии и русской судьбе. Что русскому народу виднее, что он гораздо умнее интеллигентов с их фырканиями, что это высшее и подлинное надо увидеть и распознать. Что глубина и профессионализм даны для этого распознавания, а не для изреkania остроумных банальностей, всегда строящихся по принципу: “Волга впадает в Каспийское море”.

Помимо содержательной стороны дела, русский державостроительный гений увидел в коммунизме уникальную возможность сохранить империю и идеократический рай в эпоху модернизации, подрывающей классические религиозные установки.

Далее, русский социальный инстинкт увидел в коммунизме возможность перепрыгнуть через разрушительный для державы буржуазный дух, порождающий бесконечность частных национализмов (где буржуазия — там и национализм). Русские понимали, что при имеющемся государственно-территориальном устройстве (пресловутая “чересполосица” или “лоскутное одеяло”) буржуазный “плюронационализм” порвет державу в клочки. Русские понимали, что Россия не Франция и не Германия. И что для выживания надо как-то преодолеть буржуазный национализм. Те из русских (говорю о думающих о своем народе политиках), кто не успел это вычислить логически, увидели все своими глазами в момент, когда начался шабаш Февральской революции. И все стало необратимым образом распадаться.

Русский конфессиональный инстинкт уловил, что баланс конфессий уже требует надконфессионального идейного “потолка”. Потому что конфессиональный — не просто теряет прочность, не просто трещит под ударами врага. Он еще и вступает в противоречие с тем же исламом. И как тогда строить “потолок”? На экуменизме его не построишь! Нужна накаленность. Нужно соответствие XX веку. Коммунизм вполне подходил под “техусловия” — считали многие разработчики “потолка”.

И, наконец, было что-то совсем тайное в Красном смысле. То высшее, что русские уловили эзотерически. Не собираюсь особо на этом останавливаться. Я просто знаю, что это было.

Не буду разбирать подробно и то, как это умирало. Как вырождалось, мутировало. Как вступало в конфликт с русскими чаяниями и традициями. “Потолок” вообще штука сложная и неоднозначная. Говорить, что этот “потолок” был стопроцентно благим — невозможно. Таких “потолков” не бывает. Главное, что даже если он был существенно неблагим — другого не было. А вот абсолютно неблагим он быть не мог. В противном случае нужно низвергнуть страшную хулу на русский народ. И по факту (при любых славословиях) назвать его народом исчерпанным. Пусть кто хочет чего-нибудь в этом роде — и будет откровенен до конца.

Я и верю в другое, и в принципе антинародный снобизм презираю. Презираю эти интеллигентские перефразировки: “Давно пора, трам-тарарам, умом Россию понимать”. Ведь ясно, о чем Тютчев писал. О том, что вышший ум, высшее зрение не сводятся к умничанью. Что в каком-то смысле орган, которым народ понимает, — это и не ум вовсе. Наука XX века тут вынесла свой вердикт в пользу Тютчева. А я так даже к науке апеллировать не хочу. Я просто точно знаю, что высшее народное созерцание, в котором открываются некие предельные подлинности, — это не выдумка.

Приведя некоторые аргументы, я абсолютно не считаю их окончательными доказательствами чего бы то ни было. А главное, я знаю тщету подобного рода аргументаций. Если 70 лет копилась какая-то обида и ненависть, то ее никакими аргументами не переломишь. Я знаю, что враг на это и рассчитывает. На то, что мы будем друг друга “аргументировать” до полного исчерпания русского бытия.

Но что же тогда делать? Как-то проблему обсуждать надо. Если не на уровне аргументов, то как?

ТРАНСЦЕНДЕНТАЦИЯ

Трансцендентация – это любой выход за любые границы. В философии данный термин применялся изначально для противопоставления трансцендентного и имманентного (в каком-то смысле – поту- и посюстороннего, высшего и низшего). Но это изначальное применение сильно обогатилось в XX веке. И потому могу сказать, что речь идет просто о той процедуре, которую Высоцкий описывает в песне “Охота на волков”. То есть о “выходе за флажки”. Волки – это мы. Противник на нас охотится. Нам надо выйти за флажки – или умереть. Вот и всё.

Идеологический выход за флажки (иначе – за некую тупиковую рамку заданности) предполагает, что есть некое более широкое пространство, куда можно выйти. В этом и есть основная проблема трансцендентации. Вы говорите о выходе? Скажите, куда выходить и как.

То пространство, куда я предлагаю выйти, называется пространством системной архитектуры. То есть я предлагаю рассмотреть идеологическую или любую другую проблему не как объект любви или ненависти, а как балку, блок... ну, не знаю... замочный камень арки... в конструкции “потолка”. Только тогда оргоружейный смысл тех или иных действий приобретет прозрачность. Потому что для противника все наши идеологические страсти вообще, а уж тем более страсти наши по поводу красных и белых, – сугубо инструментальны. Мы “заводимся”? О’кей! Есть энергия. А если она есть, то ее можно канализировать на деструкцию.

*Что вам человек!
Для вас все люди – числа. Иль я должен
Основы управленья государством
Седому разъяснять ученику?*

*(Фридрих Шиллер.
“Дон Карлос, инфант Испанский”)*

Профессиональный оргоружейник – это вам не пошляк “а ля Фукуяма”. Оргоружейник знает цену энергии. Он не выводит историческую страсть за скобки. Он делает нечто совсем другое – превращает страсть в рычаг, в динамит для мины. То есть он эту страсть инструментализирует. Любая инструментализация означает, что нечто живое и самоценное превращается в функциональность, то есть в число.

Но речь идет о числах особого рода. В математике такие числа называются трансфинитными. Не углубляясь в детали, скажу лишь, что речь там о числах, выражающих градации бесконечности. Числах, характеризующих буквой “алеф” и индексами. Наверное, кто-то из читателей знает об этом не хуже меня по роду профессии. А другие (гуманитарии, не знакомые с математикой) читали Борхеса, рассуждающего о том же самом с других, гуманитарных, позиций.

Впрочем, если кто-то и метаматематики не знает, и Борхеса не читал – тоже не беда. Если читатель взрослый человек, то его обязательно кто-нибудь использовал. То есть превращал в число. Если читатель гражданин, переживший распад СССР и переживающий то, что происходит сейчас, то у него есть ненависть к такого рода инструментальности. Когда-то Шукшин, очень чутко улавливавший подобное, описал эту ненависть в пресловутом: “Ша, пацаны, я его делаю!”

Так вот, если читатель имеет опыт того, как его “делали”, то он не может не хотеть этот опыт избыть. То есть понять алгоритмы с тем, чтобы не допустить их нового применения. “Свобода есть познанная необходимость”. Познавая “необходимость”, лежащую в основе государственного распада, читатель может стать свободным. И если он хочет стать свободным – он выйдет за флажки. За порабощающие рамки своей предвзятости.

Он от этого не перестанет любить и ненавидеть. У него останется согревающий его “средний мир”. Но над этим миром возникнет другой – холодный, беспощадный. И выйти читатель может только туда. А уж хочет или нет – его дело. В принципе, любой взрослый человек, переживавший предательство, измену, горе, интригу, подлость, преодолевая это, выходил за рамки. Опыт такого выхода не зависит от математического или гуманитарного образования.

Воистину ли мы ненавидим врага? Не потеряли ли мы эту мобилизующую способность? Если не потеряли, то поймем, что враг делает ставку на то, что мы окажемся рабами своих предвзятостей. Пусть даже высших, идеальных предвзятостей. Холодное присутствие такого врага, уже однажды нас “сделавшего”, разве не достаточно для того, чтобы осуществить выход, который враг считает для нас категорически невозможным? Такой выход – не примирение, не всеядность, не “свальный грех на идеологическом ложе”.

Осуществляя подобный выход, я не обесцениваю вибрации моей души. Я просто ставлю над теплотой их сокровенного трепета – холод войны и духа.

ТАК КАК ЖЕ “ДЕЛАЛИ”?

Итак, сначала на страну выплеснули всю совокупную антикоммунистическую энергию – разнонаправленную, разнокачественную, либеральную, антилиберальную. По “потолку” пошли трещины.

Потом малым народам напомнили про “тюрьму” и “пять старшего брата”. А также про кровь, пролитую другими “младшими братьями”. Напомнив, спросили: “Если старший брат послал проект куда подальше, то на фига мы тут – такие разные – толчемся плечом к плечу? Давайте разъединяться!”

А затем “старший брат” сам сказал: “А может, и я выйду из состава СССР?” Сказал-то он, будучи в состоянии вполне понятной обиды. И либералы в Москве оплевывают, и окраины, которым столько жертвовали, упражняются в русофобии. Но мы же помним, что обида – это один из алефов, чисел души. А с точки зрения врага – это никакая не обида, а оргоружие. Эмоция, монтируемая в деструкцию.

Первым свою понятную эмоцию отлил в эту форму очень крупный и талантливый русский писатель, настоящий патриот России Валентин Распутин. Писатель встать над страстью не может. Да и абсолютизировать высказывание Распутина у меня нет никакого особого желания: крик души... Сказал про это Распутин, а выполнил-то это Ельцин. Ельцинизм и стал выходом РСФСР из состава СССР. То есть прагматизацией чьей-то страсти*.

Рай идеального уже был подавлен. Малые ады малых народов – распечатаны. Это являлось и следствием подавления идеального, и... И технологией.

Теперь настало время распечатывать русский ад. Кому было его распечатывать, как не писателю? Ведь в основе этой процедуры – живая правда, живая страсть, превращенная в число. В алеф.

Страсть – понятна. Чужда она мне или нет – неважно. Она понятна. А потому я вовсе не собираюсь осуждать эту страсть как таковую. Мутность и накал этой страсти были ниже всяких ожиданий. Буденновск показал миру, что такое русские. Какова степень внутреннего такта и терпимости великого народа. Но ад есть всегда. И коли рай подорван – ад всегда может быть распечатан. Он и был распечатан.

Я не хочу никого пригвождать к позорному столбу. Я вообще это не хочу делать. И я вдвойне не хочу делать это в условиях, когда враг потирает руки при любом выяснении отношений внутри России. И то ведь – энергия, оргоружие!

---

* Обвинение В. Распутина чуть ли не в развале СССР на основании вырванной из контекста его выступления фразы обычно характерно для русофобствующих авторов. Досадно, что такой серьезный исследователь, как С. Кургинян, прибегает к тому же приёму. Политическая позиция В. Распутина чётко сформулирована в его публицистике конца 80-х – начала 90-х годов, а также в подписанном им “Слове к народу”. Искать в ней параллели с позицией и практическими действиями Б. Ельцина и его советников – Бурбулиса, Шахрая, Старовойтовой и прочих – абсурдно. Тем более что сами участники команды Ельцина, помнится, требовали “впясть” авторам “Слова...”, в том числе и Валентину Григорьевичу, по десять лет тюрьмы... – **Прим. ред.**

Все, что я предлагаю сделать, – приподняться над страстями и предпочтениями. Выйти в иное пространство и посмотреть – что тогда получается? Получается в точности то, о чем я говорю. И у этого, говоримого мною, есть своя историческая традиция.

ЭТО УЖЕ БЫЛО

Вспоминая все того же (мною любимого и ценимого) Шукшина, я хочу на этот раз апеллировать к общеизвестной “Калине красной”. И к знаменитой фразе героя: “...не могли бы мы где-нибудь здесь организовать небольшой забег в ширину? Такой, знаете, бордельеро...”

Первый такой “бордельеро” (он же – “забег в ширину”) был устроен вокруг Петербургской империи. Она была представлена как “империя зла”, глубоко чуждая не только малым народам (“тюрьма народов”). Она была представлена столь же чуждой русскому народу – народу-держателю. Были ли у русского народа для этого основания? Были, и еще какие! Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы ткнуть пальцем в эту элиту и показать народу, что она не русская. Ну, немецкая и много еще какая. И кавказская (Багратион, Лорис-Меликов). И татарская (Мещерские, Карамзин). И... и... и... еврейская тема была не так актуальна, но и без нее тем хватало.

Эти темы спали, пока был прочен “потолок”. Пока сохранным было “небо русской Империи”, ее рай. Когда с этим начались проблемы, все стало совсем актуально. В Первую мировую войну горькую чашу испили русские офицеры-немцы, в большинстве своем – страстные патриоты России. А Барклай де Толли в войну 1812 года? Ведь скрытый замысел пушкинского стихотворения “У русского царя в чертогах есть палата” в том-то и состоит, чтобы поутихомирить некий комплекс, который спал-то спал, но не всегда.

Были, были у русского народа счеты к своему (существенно нерусскому) государству! Были они у старообрядцев, которые много претерпели от Петра I. Были они у крепостных, стонавших под кнутами барина, с трудом говорившего по-русски. Были они. Иначе не сказал бы Некрасов, адресуясь к определенным strатам своего общества:

*Нерусский – взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...*

Были бесконечные претензии. И бесконечно справедливые. А был враг, который эти претензии хотел превратить в инструмент. В алеф.

А помимо врага, холодно перебиравшего алефы, были и политические страсти. Называть их “вражескими” я не могу. Я не считаю врагом России Пестеля – этого немца, поднявшего ребром “русский вопрос”. Но я понимаю, в чем по сути была его функциональная роль. Я понимаю коварный смысл восклицания: “За нашу и вашу свободу!” И я понимаю смысл бесед Пушкина и Николая I. Понимаю его по документам – и не только. Понимаю по семейным апокрифам. Их “к делу не пришьешь”, но что есть, то есть. Царь ведь не к лояльности призывал и не задаривал. С Пушкиным этот номер не проходил. Тут где сядешь, там и слезешь. И надо быть Новодворской для того, чтобы увидеть в “Клеветникам России” лагерную самодетельность.

На самом деле, разговор царя с Пушкиным – это разговор об империи. О смысловом рае, о “потолке”. И о спящем аде. Говорят страстно любящие Россию люди – царь и поэт. Один немец. Другой – “лицо афроазиатской национальности”. А под империей уже начинает булькать этот самый ад. Не только ад кавказских или польских претензий. Но и ад русский – основной и решающий.

А что ему противопоставить?

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.*

Кто дальше апелляциями к спящему аду баловался? Большевики? Нет, не очень, по понятным причинам. А вот народовольцы, эсеры – те за милую душу.

Они – с одной стороны. А с другой? С другой – “Союз русского народа”. И что этот “Союз” спас? Что спасла эта “русская партия”? Она ничего не спасла, но многое погубила. И список погубленного – в мартирологе жертв Империи. Напоминаю не для того, чтобы его предъявлять, а для того, чтобы понимать, что к чему. Если бы хоть что-то было спасено! Если бы на основе этих судорог (энергия – это всегда судорога) произросла великая русская жизнь. Так ведь ничего не произросло! Потому что не для произрастания изначально создано было.

И слышу я (опять апокрифы), как очень старые и очень верные России люди шепчут мне, маленькому ребенку: “Ты помни, помни! Как начинается этот “Союз русского народа”, так погибает Империя!” И шепотом назывались имена. Не Ивановы и Петровы в основном. И не Рабиновичи. Имена были преимущественно остзейские.

Потом все рухнуло. Ничего не защитил этот “Союз”. И потому просто по факту приходится признать более державными, а значит, более русскими людьми Ленина, Сталина и даже (о ужас!) Троцкого. Подчеркиваю – исходя из той же логики “сопромата”, не более. Они что-то построили? Построили! И то, что они построили, себя как-то реализовало? Худо-бедно реализовало. Впрочем, почему “худо-бедно”? Русский дух не просто сохранился. Он поднялся до величайших высот в 1941 – 1945 годах.

Короче – “эти чужаки” хоть что-то соорудили. А говорившие от лица русского народа “прозяпали” все, что могли. Причем самым бездарным и беспомощным образом. Это не вкусовщина, это неумолимый факт. Это не идеология, это “сопромат”. И крыть тут нечем. Если, конечно, не начать заниматься длинными жалкими подтасовками, ответ на которые всегда один и тот же: “Если он, на фиг, такой умный, то почему он, на фиг, такой мертвый?” В данном случае “он” – это почивший в бозе “Союз русского народа” и его разного рода правопреемники. Тех, кого они интересуют, отсылаю, например, к очень откровенной книге господина Байгушева “Русский орден внутри КПСС”.

Итак, разговор об антирусскости советского коммунизма – это спецмиф. Но говорить о том, что у русских не было счета к коммунизму, тоже недопустимо. А в чем-то просто смешно. Был этот счет, и еще какой! Что-то по этому поводу написано с перебором. А что-то и вполне адекватно сути происшедшего. Я уже говорил о трансфинитных числах. И поясню еще раз. Обычно противопоставляют рациональность и эмоциональность. И говорят, что есть какие-то там числа с их жалкой арифметикой. А есть чувства, которые по ту сторону любых чисел.

Так вот, не любых! Я никоим образом не предлагаю недооценивать чувства (народные страсти, социальную энергетику). Но я прошу учесть, что все это давно введено в чужие компьютеры. И на оргоружейном языке называется “каналлизация деструктивной энергии”. Я прошу учесть тем самым, что есть примитивные числа, к которым вульгарные экономисты хотят свести тайну народной жизни. А есть более сложные числа, к которым ту же тайну сводят другие специалисты.

Короче, есть неинструментализируемые страсти, которые вообще вне чисел, а есть инструментализируемые страсти, подчиняемые особым числам – разного рода алефам.

Мог ли Гитлер задействовать алеф русских претензий к коммунизму? Мог, если бы не ненавидел русских почти как евреев. Он ненавидел русских так, как австриец ненавидит славян. Какой-нибудь рейнский немец так бы ненавидел не славян, а французов. Гитлер ненавидел русских и за то, что они приняли коммунизм. И, приняв “смертельную еврейскую заразу”, начали разносить ее по всему миру. И за что-то еще он их ненавидел. Короче, он их так ненавидел, что даже не стал с ними заигрывать.

В плане “Ост” было черным по белому написано, что в течение двух поколений русские будут уничтожены. Что этот народ рабов не должен иметь государства. Что численность его, степень его образованности, все другие параметры должны быть интегрированы в чисто ликвидационный проект. Немцы – люди точные. Они когда что-то напишут, то это и выполняют. Поэтому те русские, которые перешли к Гитлеру, должны были однозначно встать на путь ликвидации собственного народа.

Они, конечно, вертелись, как ужи на сковородке, и объясняли своим сторонникам, что все не совсем так. Но пока они болтали про это “не совсем

так”, немцы – работали. И своей работой наглядно показывали, что все именно так. Они, конечно, не публиковали план “Ост” и не разбрасывали его в листовках по русской территории. Они конкретные дела делали. А то, что русская коллаборационистская верхушка не знала про план “Ост” – это “жалкий лепет оправданья”. Не более.

Гитлер не оставил русским иллюзий по поводу их будущности. Но даже это не позволяет сводить всю русскую коллаборационистскую антисоветскую страсть к абсолютному ликвидационизму. Или примитивному подонству так называемых полицаев. То есть подонства этого было “до и больше”. Но была и трагедия. Было затмение. Помутнение не только разума, но и души. Не первый раз в мировой истории происходит подобное. Ведь было у нас Смутное время со своими коллаборационистами. Но разве другие народы не имеют того же опыта? Не имели бы – не слагалось бы испанцами горькое:

*На Испанию родную
Призвал мавров злой Родриг.*

Старые истории? А разве нет новых? Разве не кричали на площадях, что лучше Басаев, чем Чубайс? Увы, это все одна история! Извечная и трагическая.

А знаменитое “Ленинградское дело”? Легко представить его как абсолютный маразм Сталина. Но всякий, кто внимательно читал подлинные документы, знает, что это не так. Что это дело – первый толчок будущего “великого распада”. А тот, кто не читал эти документы, может прочитать “признательные показания” уже упоминавшегося мною Байгушева. В них достаточно откровенно говорится о том, что “ленинградцы” оформили русские претензии, накопившиеся за время существования СССР и подогретенные победой в Великой Отечественной войне, тостом Сталина “за русский народ” и прочими патристическими моментами.

Что касается меня, то я предлагаю читателю рассмотреть этот сюжет под задаваемым мною оргоружейным и “державно-сопроматным” углом зрения. Я предлагаю осмыслить его в рамках уже заданной мною коллизии державного рая и его антитезы – ада. Потому что к концу 40-х годов пошатнулся новый русский державный рай под названием коммунизм. Был распущен Коминтерн. Начались разного рода подвижки, все более проблематизировавшие идеологичность советского государства. Эти подвижки воспринимались как компенсации русским, продолжавшие линию, заданную знаменитым тостом. Но на деле они имели объективно иной характер.

“Потолок” треснул – “люстры” зашатались. Рай ослабел – задышал ад. И русский, и иной. Всяческий.

К концу 40-х годов Сталин понял, что СССР как идеократическая (а значит, надэтническая) держава не нужен никому, кроме него самого. Я имею в виду – не нужен элите. Удерживая властный баланс, Сталин вынужден был (иначе какой баланс?) играть на элитно-этнических противоречиях. Так возникли две этно-элитные партии, одну из которых называли “кавказской” (общепризнанный глава – Берия), а другую – “русской” (лидеры менялись, обычно эту партию называют еще “антибериевской”). И та, и другая партия не хотели жить в формате СССР.

Чего хотели так называемые “кавказцы”? При том, что речь шла о сверхэлитном и очень узком клане с весьма условной этнополитической этикеткой. По сути, они хотели конфедерации. То есть устройства, при котором их окраины (а также все окраины вообще) будут почти независимыми государствами с национальными языками и много чем еще (национальными кадрами, прежде всего). А в Москве (то есть на русской территории) будет установлен паритет русского и нерусского.

Это был абсолютно убийственный для державы план, осуществление которого развалило бы страну в считанные годы. Тем не менее этот план стал предметом внутренней элитной страсти. И в итоге через много лет вылился в пресловутый ССГ Горбачева (Союз Суверенных Государств, призванный заменить СССР).

Чего же хотела “русская партия” (при том, что речь шла опять-таки об очень узком элитном клане с уже совсем условной этнополитической этикеткой)? Может быть, она хотела усилить русское влияние в окраинах? Ничуть!

Она хотела избавиться от этих окраин, “от чурок”. Как избавиться? Да как-нибудь! “Страна поменьше станет – ну и что? Главное, заживем без чужих!”

Политические правнуки Пестеля лелеяли эту мечту очень долго. Валентин Распутин выкрикнул то, что копилось внутри русского унижения. Копилось годами и десятилетиями. Когда приходилось русскому Буденному (или другому генералу, не успевшему отстреляться и дозвониться вождю) ощущать себя туземцем, которого прессуют какие-то, например, кавказские чужаки, плохо говорящие по-русски, но хорошо распоясавшиеся. Что, в этом русском самочувствии не было своей правды? Была она, эта правда! Но посмотрите, как легко ее задействовали оргоруужейники! Как легко эта русская страсть оказалась превращена в инструментальный алеф!

Сталин, подняв тост “За великий русский народ!”, как бы стер кровавую летопись русских претензий. Но одним тостом ее никогда до конца не сотрешь. Кроме того, сдвинув в эту сторону гирьку весов властного равновесия, Сталин сразу же получил “по полной программе”. Боже, как отреагировала тогда Грузия в условиях очень жесткой и эффективной сталинской диктатуры!

Но это – сталинский период. С его болью и его счетами. Выкрик Распутина – это боль души эпохи всеобъемлющего оплевывания русских. Как тогда не сказать: “Вы от нас хотите освободиться, а мы от вас”!

Но, еще раз повторю, для кого-то наши страсти – всего лишь инструменты и алефы. Распутин выкрикнул, Ельцин исполнил. А испили все русские. Причем до дна.

От мечты соратников Берии о доминирующем влиянии окраин – к мечте соратников врагов Берии (Буденного, Патоличева и других) о русской земле для русских... От антирусских сепаратизмов – до “Ленинградского дела”. От Горбачева с конфедерацией – к Ельцину с усеченной Россией. Все это одна история. И за ней – холодные глаза врагов России, для которых эти клановые разборки – суть лакомство. Возможность раз за разом запускать часовой механизм деструкции.

Исчерпывается ли эта история злоключениями досоветской империи и советским периодом? Ничуть! Возникла ельцинская Россия – и все продолжилось на униженно скукоженной территории.

Ведь грибница-то не изменилась! И она стала порождать прежнее в новой исторической упаковке.

Тех, кого интересуют детали этого вопроса, я вновь адресую к бесконечной откровенной книге господина Байгушева “Русский орден внутри КПСС”.

Байгушеву кажется, что он описывает героическую борьбу этого самого русского ордена. На самом деле он описывает “драку под ковром” неких деструктивных “бульдогов”, один из которых называет себя русским. Что в этом “бульдоге” русского – понять очень трудно. Понятно, что делает для своего этноса какой-нибудь чеченский националист. Или эстонский. Хорошо ли они ведут себя при этом – дело десятое. Но что-то в этих действиях каким-то образом соотносится с каким-то пониманием какого-то коллективного блага.

Развалить империю и ампутировать гигантскую русскую (или русско-славянскую) периферию, кинуть русских в ад социокультурного шока и называть все это “борьбой за русское дело”... Может быть, я чего-то не понимаю, но для меня это странно. И мне все время видится в этом что-то от действий того самого второго фронта, на котором война с русскими ведется не путем ошельмовывания, а с помощью более тонких и убийственных средств.

Может быть, я и не стал бы это так подробно обсуждать, если бы не Кондопога и не то крупное, что маячит за этой “мелочью”.

НОВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Никакой крупный проект не осуществляется при абсолютном совпадении деклараций и целей, видимости и сути. Я не имею возможности подробно реконструировать некий крупный проект, результатом которого является то, что мы имеем.

Однако я точно знаю, что этот проект ну никак не сводится к элементарно понимаемому “гайдаризму-ельцинизму”. Уже Ельцин – это отнюдь не Гайдар. Об этом очень емко сказал сам Ельцин. Емкость была такова, что мне к ней ничего не хочется добавить. А хочется лишь попросить читателя продегу-

стировать сие откровение так, как дегустируют тонкие и ценные вина (цитирую отрывки из интервью “Московским новостям” от 21 октября 2003 года):

Корр.: Какой смысл был в том, что в 91-м вы сделали рискованный выбор в пользу малоизвестных, но очень амбициозных политиков?

Ельцин: ...Политический строй предстояло не просто изменить, а перевернуть... Я понимал, что безболезненным переход от одного к другому не может быть... Нужна была команда матросовых, которые бы приняли огонь на себя и продвигались бы вперед, каким бы сильным ни было общее недовольство.

Корр.: Вы понимали, что эта работа может лишить их политического будущего?

Ельцин: Конечно. Они должны были сделать свое дело и потом уйти... Я должен был найти людей, которые будут решать сложнейшие задачи, не оглядываясь на то, как это скажется на их политическом будущем. Нужно было собрать такую команду, которая сгорела бы, но осталась в истории.

Корр.: Они были готовы сгореть?

Ельцин: Мы не обсуждали с ними этот вопрос.

Корр.: Вообще не говорили о том, что скоро им, возможно, придется уйти?

Ельцин: Нет, этого нельзя было делать. Им предстояло работать с полнейшей отдачей...

То есть Ельцин сказал о том, что он сознательно использовал Гайдара и его команду как бросовую агентуру, которая должна сделать черную работу, дискредитировать определенный пакет идей и пойти вон.

Но кем был сам Ельцин? Понимаю, что говорю некую парадоксальную вещь. Однако вынужден настаивать на том, что внутренне (да и не только внутренне) Ельцин тяготел вовсе не к обществу “Мемориал”, а к обществу “Память”. И не мог не тяготеть! Не мог свердловский секретарь обкома (в народе Свердловск называли еще Танкоградом) быть пропитан духом “Мемориала”. Неоткуда было взяться этому духу. И конкретно его не было. Может быть, он был в Гайдаре. Хотя я-то считаю, что и Гайдар совсем не так прост, как пишут сторонники определенных патриотических прописей.

Но главное состоит в другом. Ну, была околоельцинская “русская партия” (обычно говорят – Сосковец, Коржаков и другие). Ну, был и ее квазилиберальный (и в силу этого как бы “квазибериевский”) антагонист (Черномырдин и К^о). Но ведь и в первом, и во втором случае нельзя говорить о субъектах некоего большого проекта. Если у проекта и был автохтонный субъект (а я все-таки считаю, что он был), то этот субъект находился внутри элиты госбезопасности.

Тот же Байгушев пытается свести проблему к Андропову, а Андропова к некоей антирусской силе. Очень наивная редукция. Если предположить, что у Андропова был проект (а я уверен, что он был), то этот проект предполагал не русское или антирусское наполнение, а демонтаж КПСС в пользу КГБ и лично Ю. В. Андропова. А как ты демонтируешь КПСС, атакуя ее только под одним углом (например, либеральным)? Нет, надо было атаковать сразу под двумя углами. Только так можно было “завалить такого крупного зверя”.

Война с КПСС шла давно. Как минимум, со времен Берии. Хотя я считаю, что и Феликс Эдмундович кое на что вполне плотоядно поглядывал. Короче, с ранних советских времен (и уж тем более с начала сталинской эпохи) органы госбезопасности люто ненавидели КПСС. Они, между прочим, воевали еще и с армией. Это было встроено в систему сталинских “сдержек и противовесов”. Но КПСС была объектом особой ненависти. “Органы” всегда точили на нее зубы. Кто тут был прав, кто виноват? Разбирательство может нас вести далеко. Я предлагаю не вдаваться в детали. А измерять все только мерками державного “сопромата”.

Итак, в 70-е годы стало ясно, что партия “неумолимо дряхлеет”. И нужно сделать все возможное, чтобы ее демонтировать. Борьба с партией превратилась в борьбу с идеологией. Ибо, не демонтировав идеологию, нельзя было демонтировать партию. Борьба с конкретной идеологией стала борьбой с “потолком”, с идеократией как таковой.

Но боровшийся с нею элитно-комитетский субстрат никак не был антигосударственным. У него была своя державная логика. Эта логика, по определению, могла быть только националистической. Если хотеть державу и при этом уничтожать сам источник имперской державности в его традиционно присутствующем России виде, то какую державу можно хотеть?

Можно хотеть только одного – чтобы на обломках империи было построено нормальное национальное государство. Русское государство. Если для этого надо пройти через некий либеральный шок – что поделаешь? Нужно набрать соответствующий контингент, увязать этот контингент намертво с нежелательными вещами (либерализмом или чем-то еще), “повесить” на этот контингент самый неблагодарный этап проекта, а потом контингент “слить”. Вместе со всем тем, что он олицетворяет.

И тогда из хаоса и грязи возникнет новая национальная Россия. И засияет. И все будет оправдано.

А теперь подумаем о том, что такое национальная Россия. Что такое нация вообще. Нация – это субъект модернизации. Национальное государство – это форма. Содержание – проект Модерн. Самое яркое проявление Модерна – это Великая французская революция с ее классическим циклом: жирондисты, якобинцы, термидор – Бонапарт и так далее. Что, не было разработок по этому поводу? Да полно их было!

Этот проект существовал. У него было все – мозги, инфраструктура, инструменты и прочее. А также разного рода технологии. По их поводу много интересного рассказал, например, такой непростой человек, как советник Б. Ельцина, философ и системщик Анатолий Ракитов. Я слежу за работами Ракитова и его деятельностью давно. С начала 90-х годов, когда Ракитов объявил, что России предстоит идти путем модернизации через катастрофу с полной сменой цивилизационного ядра.

Что такое поменять цивилизационное ядро? Это значит пройти через нечто наподобие Реформации и “войн за веру”. Это значит отказаться от имперского принципа и от державного “потолка” вообще. Это значит радикально модифицировать все культурные основы – например, соотношение трансцендентного и имманентного (в культурологии называется “формула спасения”). И все во имя чего? Во имя модернизации! Во имя национальной России! Так говорилось.

Что ж, в этом есть своя правда и своя высокая цель. Наличие этой правды и этой цели потребовало от многих, кто ее не разделяет, внутренней лояльности к проекту. Не к его гайдаровско-ельцинской декорации! А к сути. Или, так сказать, к его неявным интенциям. Тем более что интенции были не такими уж неявными...

Хотите модернизации через катастрофу? Что ж, это не наш проект. Но это проект. Да, страшно за народ. Но – не надо сказок – не вопреки народу эту тему оседлал Ельцин! Если бы вопреки – то уж в октябре 1993 года весь народ оказался бы на стороне Верховного Совета. И вся армия, и... и... и...

А поскольку это было не так, то либо–либо. Либо народ так “уделали” оргоружием, что он не в себе (я лично так и считаю). Либо он сознательно хочет перелома русской судьбы. В конце концов, дело народа – как строить свою судьбу и как ее переламывать.

Все это никак не делало меня сторонником национального государства и проекта Модерн. Я не могу быть сторонником проекта Модерн, потому что считаю, что “поезд ушел”. Что последние существенные ресурсы этого самого Модерна убиты теми, кто “зачистил” коммунистическую идеологию. Что без нового идеологического огня, выводящего всех нас за рамки коллизии “Модерн–Контрмодерн”, мир все равно умрет.

Но одно дело – твои предпочтения. И даже твое видение будущего. А другое дело – данность и “сопромат”. Национальное государство возможно. В сравнении с адом безгосударственности – это хоть что-то. Модерн лучше, чем Контрмодерн. Тем более что русского Контрмодерна не будет. Будет чужой. Например, исламский. Кроме того, Модерн еще не заваливает человечество в окончательный и бесповоротный регресс, а Контрмодерн завалит. И мы получим в итоге не исламский халифат (и уже тем более не христианскую империю!), а мозаику разного рода неоязычеств. Или – чего похуже.

Анализируя чужие противоречия, я не должен избегать указаний на свои собственные. Да, я тонны бумаги извел для того, чтобы доказать, что ничего конструктивного ельцинско-гайдаровский фасад и его бэкграунд не обеспечат. Я этот бэкграунд даже назвал “Зазеркальем”. И не сейчас, а в 1994 году. Но, предьявляя такую точку зрения, я не мог не разграничить некую осмысленную гадость (модернизацию через катастрофу) и гадость бессмысленную (катастрофу без модернизации, а точнее, вкупе с архаизацией).

Если гадость имела смысл, то в чем-то она имела и оправдание. Но толь-

ко в том, чтобы “по ту сторону гадости” все же осуществить проект Модерн и построить национальное государство.

С самого начала стратегически беспокоило лишь одно – удастся ли осуществить в России проект Модерн в конце XX века (хоть с гадостью, хоть как еще)? Но, в конце концов, китайцы осуществили. Почему бы русским не осуществить? Эти начальные беспокойства длились до 1996 года.

А дальше возник вопрос, почему гадость (она же катастрофическая фаза) странным образом продлевается, а модернизации нет как нет? Ну, хорошо, год, два. Но проходит целая пятилетка! И где Модерн?

Бэкграунд проекта предложил переложить ответственность на господина Ельцина. Мол, “человек не тот... Промахнулись. Блажит, пьет, не зачищает до конца демократов, терпит какого-то Черномырдина. И конструктивная фаза потому, просим прощения, задерживается”.

Но это не шутка – задерживать конструктивную фазу! Выражаемое по этому поводу беспокойство (а ваш покорный слуга, повторяю, выражал его с 1994 года) отвергалось с высокомерной презрительностью. И при этом все время говорилось: “Ждите национального диктатора!” Назывались разные фигуры. Они у всех на слуху. Любой внешне подходящий становился фигурой надежды. На какой-то момент фигурой этой надежды стал даже Лебедь. Все завершилось Путиным.

Путин оказался классической фигурой перехода к новой конструктивной фазе модернизации. Нельзя сказать, что Путин ничего не сделал. По крайней мере, вандейские меры, осуществленные им в Чечне, носят, безусловно, модернизационный характер. Для тех, у кого это не на слуху: вандейские меры – это меры революционного якобинского Конвента, который подавлял самым свирепым образом сепаратистский мятеж в Вандее, да и не только там. В Провансе, Лангедоке, Бретани.

Укрепление вертикали власти, отмена губернаторских выборов – это все типичные модернизационно-централистские мероприятия. Которые под этим углом зрения можно только приветствовать. Но абстрактного централизма недостаточно. Этот централизм должен быть не вещью в себе, не целью, а средством. Целью же может быть только модернизация. Без нее национального государства быть не может. А если его не может быть, зачем нужен был развал империи и ее святая святых – идеократического “потолка” как системообразующего державного принципа?

Ведь не могу я – ну, никак не могу! – ставить знак равенства между диссидентами, ненавидящими Россию, и державниками-силовиками, мучительно пытающимися перестроить государство и общество. Но в том-то и беда, что 7 лет Путина, дав огромные позитивы, не дали главного. Осуществления проекта Модерн. Россия не взяла правовой барьер, не построила правильные каналы вертикальной мобильности. Она не вернула нужную социальную роль так называемым локомоционным группам (инженерам, ученым, врачам, учителям, даже военным и “прочим силовикам”).

Наличие в среде последних особо богатой верхушки ни о чем не говорит. Когда не крупный районный чиновник катается на “бентли континенталь” ценою в 350 тысяч евро, то это никакая не модернизация. Модернизация – это беспощадная власть закона. Это наполеоновский кодекс в качестве проявления бонапартистского гения и министр полиции Жозеф Фуше в качестве дополнительного слагаемого в той же модернизации. Притом, что перед полицией, которая блюдет какие-то нормы, пасует даже император (“Вы мерзавец, Фуше, вас надо повесить!” – “Я не разделяю этого мнения, сир”).

Всего этого в России нет. Есть халява, очень сладкая жизнь для немногих и некая “расслабуха” для большинства. Есть очень талантливая прагматическая политика и полное отсутствие стратегии. Главных параметров модернизации нет.

Но нет и большего. Нет, например, элементарного воспроизводства населения. В Москве реальная цена жилплощади составляет 4000 долларов за квадратный метр. Квартира для молодой семьи с ребенком ну никак не может быть меньше 40 квадратных метров. Если мы хотим преодоления демографического кризиса, то в молодой семье должно быть хотя бы два ребенка. Конечно, можно все это разместить на 40 метрах общей площади. Но соответствующим образом. Тем более что такие квартиры уже не строятся. Короче – увы и ах – под все благие пожелания (они же национальные проекты) цена

самой скромной квартиры стремительно растет и неумолимо приближается к 200 тысячам долларов.

Предположим далее, что семья, которая хочет купить эту квартиру, извернулась и изыскала себе работу на 2–3 тысячи долларов в месяц. За рамками этой ситуации оказываются все наиболее значимые для общества профессии (врачи, ученые, инженеры, учителя и т. п.). Но предположим даже, что речь идет о семьях, которые все-таки изловчились с трудоустройством (понятно же, что тогда – в рамках сферы совокупного сервиса).

Семья, которой так повезло, должна “соответствовать”. Иначе ей перестанет везти. Поэтому она должна тратить существенную часть своей зарплаты на поддержание минимального имиджа (одежда, обувь, а там, глядишь, и машина). Откладывать такая семья может, ну, максимум 1 тысячу долларов в месяц. То есть 12 тысяч долларов в год. Через 20 лет, если ничего не изменится, эта семья купит скромную квартиру. И срочно приступит к преодолению демографического кризиса. Она уже окажется на верхней грани репродуктивного возраста. Но... предположим...

Что, нет абсолютной прозрачности в описанной мною коллизии? Что, за этой коллизией не маячат другие проблемы? Проблемы тех групп, которые “не изловчились” и при сегодняшних зарплатах только сводят концы с концами или будут копить на квартиру 50 и более лет?

Это не советский тип воспроизводства и не американский. При советском можно было что-то получить от государства бесплатно. При американском можно всю жизнь горбатиться на возврат кредита, уже живя в приличном доме и рожая детей.

А то, что у нас создано... Ну, давайте все-таки признаем, что в масштабах страны создана ситуация очевидного невоспроизводства! Спросят – чего именно? Да всего сразу! Жизненного уклада... Демографического потенциала... Качества жизни...

И это при том, что Россия уже вкусила от современности. И, помимо прочего, в климатическом плане никак не является жаркой страной. Не вкусившее от современности и расположенное в жарком поясе индийское население в значительной части своей может жить и размножаться на ковриках у дороги. А вы на Ямале размножаться на ковриках пробовали?

Латинская Америка, даже Африка как-то воспроизводят уклад. Плохо живут, но воспроизводят. Русские живут лучше. Не скажу хорошо, но лучше. Но уклада не воспроизводят и всего остального тоже. Это Модерн?

Итак, воспроизводства нет. Нет ни советского, ни западного принципа воспроизводства. Советский принцип был. Он назывался “общественные фонды потребления”. Эти фонды существенно дополняли зарплату как таковую и включали: а) бесплатную квартиру (пусть плохую и пусть не быстро получаемую, но получаемую); б) бесплатную медицину (по оценкам ООН, далеко не худшего уровня); в) бесплатное образование (по оценкам того же ООН, весьма высокого уровня). А также г) социальные цены, как минимум, на социально значимые продукты питания. А также д) массу недорогих товаров широкого потребления. Вы могли недорого одеться, недорого отдохнуть.

А главное – по культурным нормам это “недорого” не отделяло вас непреодолимым барьером от тех, кто надевает “Бриони” и ездит в “бентли”. Даже если тогда “Бриони” называлось “финский костюм”, а “бентли” – черная “Волга”, трагической социальной пропасти не было. Никто не писал на рекламных щитах, что (цитирую) “только в БМВ последней модели ты можешь ощутить себя настоящим мужчиной”. Примерьте этот БМВ-идеал на загнутого в тупик молодого парня. Вы понимаете, что из этого вытекает? Либо он укорает этот БМВ, либо он его подожжет, либо не будет ощущать себя настоящим мужчиной. Это проект Модерн?

Я не хочу восславить советскую жизнь. Я тоже считаю, что очереди и пустые прилавки унижают. Я знаю, что многое доставалось из-под полы. Что некое прозябание дополнялось номенклатурным чванством и хамством, несвободой и скукой. И я вовсе не хочу назвать ту жизнь ориентиром. Но с точки зрения – теперь уже не державного, а социального – “сопромата”, это была жизнь. Как нечто целостное и замкнутое. Повторяю, была какая-то воспроизводственная – то есть неликвидационная – жизнь.

То же, что происходит сейчас, по многим параметрам намного слаще. Для автора этой статьи – так просто неизмеримо слаще. Ну и что? Достоев-

ский устами своего героя говорил про такое: это “уже не жизнь, господа, а начало смерти!” Хотим ли мы, чтобы нация жила? Или чтобы ее уделом стала начавшаяся и длящаяся смерть? Как известно, один из ключевых образов карнавала — это беременная, то есть неантагонистичная жизни смерть. Хотим ли мы для нации нормального (пусть даже скудного) или карнавального (пусть даже щедрого) бытия?

И понимаем ли мы, что там, где возникает карнавальное бытие, не может быть нации? А ну как вдруг окажется, что все довольны? И бюрократы, и буржуа, и рядовые. В конце концов, очередей нет, свобод поболее, за границу можно ездить, одежда не унизительно кондовая... Много преимуществ, я не иронизирую. И граждане (особенно, если определенным образом воздействовать на их сознание) могут это возлюбить и возжелать, а не проклясть. Однако если это приводит к смерти нации, при кайфе каждого отдельного ее атома, то как быть?

Но оставим даже в стороне вопрос о социальных крайностях. Плохо или нет молодому специалисту на заводе ВПК? Может, ему и не так плохо, как я говорю. Но ему не так хорошо, как его сверстнику на “Локхиде”. Ему принципиально не так хорошо. Может быть, в других странах — не в США и странах “первого мира” — его сверстник живет хуже, чем молодой специалист, работающий на “Локхиде”. Но он живет лучше, чем другие социальные группы в той же стране. Лучше, чем большинство. И этим маркируется его место в обществе, его принадлежность к локомобильным группам.

Если этой логики и этого маркирования нет, то нормальную ситуацию назвать нельзя. Нормальное национальное государство не создано. Я не говорю о риторике — я говорю о реальности. К власти могут прийти скинхеды (вообразим такую абсолютно нереальную ситуацию). Они каждый день будут кричать, что Россия для русских. Но если при этом все будет погибать, то это, согласитесь, не национальное государство, а русская резервация.

Я не хочу сгущать краски. В чем-то ситуация, возможно, лучше, чем та, которую я описываю. А в чем-то еще хуже. И я готов это доказать. Но в целом — и это важно — она никак не носит модернизационного характера. И это все понимают. Нет модернизации — нет и нации в подлинном смысле этого слова. Нет нации — нет национального государства.

Но что же есть? И что может быть?

Ответ в каком-то смысле дала Кондопога. Как только своеобразный рай, задающий тип державного идеала (идеала модернизации), стал проседать, открылся его антагонист. То есть очередной ад множющихся взаимных претензий. И в очередной раз оказалось, что это и “национально-окраинный” ад, и ад коренной (собственно русский). И, как всегда, у этого ада есть своя правда. Я говорил о русском паренке, глядящем на рекламу БМВ у закрытой проходной завода. У него, что, нет своей правды? И в этом смысле своего права на ад? Так есть оно, это право!

Этот русский паренек не получает нормальной в плане модернизационных ценностей культурной пищи. Для него нет высокого значения таких вещей, как честность, законопослушание, трудовая этика. Его непрерывно воспитывают в глубоком неуважении к закону. Ему непрерывно предъявляют в качестве героя в лучшем случае “братка”, а в худшем — киллера. Он, паренек этот, твердо знает, что социализоваться следует через банду или нечто подобное.

Он не слепой, он видит эти “бентли континенталь” и сидящих в них скромных слуг народа (черные “Волги” советской номенклатуры, как вы понимаете, “отдыхают”). Соответственно, у него нет надежды на справедливость и закон.

С прискорбием должен признать, что в России никогда не было надежды на закон. Между тем именно уверенность в этом (не надежда, а уверенность) составляет стержень проекта Модерн. Власть Модерна — власть закона. Формального и единого для всех граждан. Продуманного и жесточайше исполняемого.

Мне скажут: и у “них” есть коррупция и все остальное. Конечно, есть. Но там она не так навязчиво правит бал. И все-таки наказуема. Во Франции или Израиле никому из нарушивших правила уличного движения не придет в голову откупиться от дорожного полицейского, протянув из машины денежную купюру. Кто-нибудь видел в Англии или Германии чиновника, специально на глазах у сидящих в очереди просителей берущего взятку в 30 тысяч долларов? Чтобы знали, гады, сколько давать!

Итак, новой антикриминальной (и тем более антикоррупционной) нормативности в России не создано. А старая (советская) изведена на корню. Парню, о котором я говорил, предъявлена тотальная социальная аномальность. И ему надо жить в этом! При том, что у него нет никакой национальной (гражданской, культурной, иной) солидарности с приезжающим к нему в Кондопогу чеченцем. Он знает от кого-нибудь из своих знакомых, что из Чечни прогнали 300 тысяч русских, которые, в отличие от чеченцев, почему-то не получили никакой компенсации.

А вот теперь чеченцы (неважно — дагестанцы, армяне или кто-либо еще) пожаловали к нему. Ведут они себя достаточно высокомерно — по принципу силового доминирования. Парень, которого описанным мною выше образом — что? — правильно, ДЕСОЦИАЛИЗОВАЛИ, — не мыслит в рамках подлинной национальной идентичности. Он доведен в каком-то смысле до уровня социо-зверька, который должен пометить свою территорию. Он ее и метит. А дальше дерется.

Я говорю горькие вещи. Но лучше вовремя понять горечь случившегося, чем утешать себя пустыми патриотическими сладостями. Виноваты те, кто создали регресс. Но те, кто погружены в него, действуют в соответствии с его законами. А его законы — по ту сторону нормальной социальности, а значит, и антропоса как такового. Тут начинает действовать стайная — и в этом смысле звериная — программа самозащиты. Этническая разборка размещена в этом регистре коллективного поведения. Там, где регресс, там и эта разборка. Там, где эта разборка, там и новая фаза русского ада. А там, где эта фаза ада, там и оргоружие. То есть алеф. Для кого-то это вождельный протест русских, а для кого-то очередная канализация деструктивной энергии.

И что этому можно противопоставить? Понятно, что — какую-то государственную и социальную логику. Какую?

ЗАБОТА О БЛАГЕ — ИЛИ “ВТОРОЙ ФРОНТ”?

Мой основной политический тезис “прост, как мычание”. Пока бунтуют окраины, державу еще можно спасти репрессиями. Можно и должно. Потому что кровь от этих репрессий будет меньше крови от распада державы. И потому что держава обладает идеальной ценностью. Тут вопрос не в арифметике, не в килограммах и тоннах этой пролитой крови, а в сакральном смысле, в идеальной ценности того, ради чего идут на грех кровавого подавления.

На этом идеальном и держится моральное право. Без связи идеального и морального права любой, самый “крутой” политик превращается в беспомощного братка, озирающегося, куда бы спрятать “бабло”. Кого не убедили сюжеты конца XX — начала XXI века, тот пусть внимательнее (и под этим углом зрения) присмотрится к тому, что сейчас творится на Украине.

Итак, пока отпадают окраины — все еще обратимо.

А когда начинает отпадать народ-держатель — “тушите свет”. Подавлять-то кто будет? Наемная швейцарская гвардия? Мамлюки какие-нибудь? Никогда ни у кого не вытанцовывалось ничего конструктивного в подобной коллизии.

То есть для того, чтобы развалить ныне существующее российское государство, применив мощное оргоружие, нужно просто определенным образом закодировать русский национализм, встроить в это противоречивое энергичное целое нужные программы. Нейролингвистические, нейросемантические и любые другие.

Возьмем, например, слово “ксенофобия”. Это очень мощный нейролингвистический паттерн. Чтобы понять его оргоружийный смысл, достаточно противопоставить этому “нейропрограммингу” столь же ругательное слово “шовинизм”. А потом избавиться от ругательности, выйдя в пространство этих самых системных архитектур.

Что такое шовинизм? Русский (как и любой другой). Это когда русские хотят всех водить строем, терзать своим директивным управлением. То есть это ревальвационный (и потому державно-позитивный) национализм. На уровне метафоры — это когда желудку надо и баранину, и картошку фри, и торт, и борщ со шкварками... И желудок этот все переварит.

А что такое ксенофобия? Это когда желудок выворачивает наизнанку даже от жидкой овсянки и паровой котлетки. Даже от стакана кипяченой воды.

И больной с таким желудком стонет: “Да пойдите вы все куда-нибудь, только бы вас вообще не было!”

Переходя от метафор к архитектуре, ксенофобия – это девальвационный (и потому державно-негативный) национализм. Это игра со ставками на понижение. Это уменьшительная игра. Чья игра? Кому надо и это усеченное тело, именуемое Российская Федерация, взять и еще уменьшить? И докуда его уменьшать-то?

Сначала русские должны выйти из СССР (“красного омерзительного совка”). Потом – из Российской Федерации (“антирусской эРэФиИ”). Кто это их все время так выводит? Что это за программа такая? И куда она может привести? Как говорил герой пушкинского “Бориса Годунова”: “Куда ведет эта дорога, хозяйка?”

Но может быть, мне примстилась эта оргоружейная программа под названием “уменьшительный русский национализм”? Давайте вместе проверим.

Давайте вместе пройдемся по сайтам и определенным печатным органам, где этот самый “уменьшительный национализм” выдается за единственное спасение русского народа. Что, разве не этим занят, например, господин Белковский? А он ведь не один! А господин Штепа с его северным обособлением, спасающим Русь, входящую в некую арктическую цивилизацию? И он ведь тоже не один! А господин Белов-Поткин? А... а... а... Скучно даже перечислять. А старая (и теперь опять обновляемая) концепция “Республики Русь”?

Но это бы все полбеда. Лица, о которых я говорю, так сказать, не столь релевантны. Пока не столь релевантны. Но вот я читаю очень качественные материалы, в которых не только советский, но и весь петербургский период русской истории объявляется, по сути, “черной дырой”. Простите, народ, который 300 лет жил в “черной дыре”, будет 600 лет из нее выбираться! И я читаю о страшном государстве-корпорации, именуемом эРэФия, из которого русский народ должен выйти...

Так что русский народ делает? Собирает империю – Российскую империю в том виде, в каком она была до 1917 года? Империю советскую (СССР)? Или же русский народ признает нынешние границы и в рамках этих границ создает очередной “потолок идеального” (а значит, империю)? Или же он строит в рамках нынешних границ национальное государство? Или же он сокращает нынешнюю территорию во имя снятия кавказской (и иной) иноэтнической “головной боли” и, так сказать, облегчения задачи построения национального государства?

Мне скажут, что на Северном Кавказе и так построили моноэтнические государства, лидеры которых, в лучшем случае, исповедуют по отношению к нынешней кремлевской власти некий оммаж (присягу, даваемую по принципу личной преданности).

Во-первых, и это лучше, чем война.

А во-вторых, я не говорю, что ситуация хороша. Я, напротив, бью тревогу посреди всеобщих победных реляций. Но сколь бы бедственной ситуация ни была, не надо выдавать усугубление бедствия за спасение. Отделение Северного Кавказа (а я просто знаю, что это модная идея в той части нашего истеблишмента, которую я называю подрывной) приведет только к одному. К тому, что загорится Волга. И вот когда она загорится, все окончательно накроется. Тут подспеют регионально-трайболистские страсти, и “уменьшители”, сулящие спасение русскому народу, похоронят русское не только в историческом и социально-культурном, но и в физическом смысле. Русские – большой народ. А большой народ трудно осваивается с реальной возможностью геноцида. Между тем эта возможность маячит на горизонте.

Итак, что делать? Восстанавливать идеократическую имперскость? Достраивать национальное государство? Уповать на “уменьшительность”?

Для начала надо просто рассмотреть – холодно и беспристрастно, в чем альтернативные пути какого-то выхода. И где эти пути выхода плавно перетекают в нечто противоположное. В беспутство бесконечных блужданий по ложным тропам.

Ну, так где же самый крайний (он же уменьшительный) национализм перетекает в абсолютный ликвидационизм?

Что знаменует собой в рамках альтернативы, которую я сейчас предложил к рассмотрению, новая позиция того же приснопамятного господина Ракитова? Между тем, согласно этой новой позиции, нам нужен уже не русский

Модерн. Нужна, оказывается, такая Россия, в которой будет удобно. Кому? Говорится, что всем сразу. Во-первых, так не бывает. А во-вторых, все сразу — их сколько? И где они проживают? Ракитов теперь прямо говорит о том, что Родина — это там, где удобно. Это “удобное” должно быть маленьким. А главное — в нем должны быть хорошие “удобства” (Ракитов конкретно говорит о сортирах).

Итак, модернизация (хотя бы и через катастрофу) снята с повестки дня. На повестке дня теперь дальнейшее уменьшение России, вплоть до обретения ею уюта и хороших сортиров. Но куда ее уменьшать-то надо?

Является ли позиция господина Ракитова его собственной точкой зрения (вот уж на что не хочу посягать, так это на свободу дискуссии)? Или же эта точка зрения знаменует собой нечто большее, чем личное мнение отдельного усталого и немолодого ученого? Мне бы, конечно, хотелось не видеть в господине Ракитове никакого рупора, отражающего коллективную позицию. Но вне зависимости от Ракитова (в этом случае он лишь один из примеров) я хочу спросить: что намерены делать наши силовые “кшатрии”, восставшие против цековских “брахманов”? Ведь кшатрии, не создавшие своего брахманизма, превращаются из опоры государственности в источник чистой деструкции. И не надо апеллировать к прагматизму! Прагматизм — это способ осуществления той или иной стратегии! Прагматизм не может быть компасом, особенно для страны, оказавшейся в столь губительной ситуации.

Так что же, господа, разрушившие СССР ради национального государства и проекта Модерн, вы снимаете тезис о проекте Модерн? А что остается? О какой разновидности государства — причем устойчивого и способного противостоять новому гигантизму, складывающемуся и на Западе (объединение Европы), и на Востоке (триумф Китая), — вы теперь грезите? И есть ли такая модификация? А если ее нет, то о чем речь?

И где вообще проходит черта между своеобразием заботы о русском благе (что я всегда буду поддерживать) и чем-то абсолютно противоположным? Ведь, согласитесь, одно со страшной плавностью перетекает в другое прямо у нас на глазах. И это перетекание большинством, увы, не улавливается.

Есть известный либеральный публицист Пионтковский. Одна из его книг называется “За Родину! За Абрамовича! Огонь!”. Это, как вы понимаете, издевательский парафраз общеизвестного “За Родину! За Сталина!”

Парафраз призван вызвать отвращение к нынешней Родине. Ради этого Пионтковский (позиционирующий себя в рамках партии господина Явлинского) готов использовать откровенно антисемитский ход. То есть ход, запрещенный в рамках той политической культуры, которая связывается с именем господина Явлинского и его партией.

В чем же ход-то? В том, что во имя разрушения идеала (“Родина”) этот идеал соответствующим образом “якорят” (термин из нейролингвистического программирования). Чтобы разрушить идеал, его надо посадить на якорь жуткой гадости, не совместимой с идеалом. В качестве этой “жуткой гадости” выбирается антисемитская “кликуха” (она же — имя конкретного олигарха). Нейролингвистическая программа состоит в том, чтобы каждый раз, когда вы (условный русский патриот) услышите слово “Родина”, вы увидели Абрамовича и вас тошнило. Так работают все нейропрограммисты. Хотят ли они разрушить в чьем-то сознании программу переживания или пьянства... или державно-патриотическую программу. Разницы никакой!

Итак, мы имеем дело с оргоружейным программингом. В рамках этого программинга осуществляется описание эРэФии как деструктивного государства, которое сосет русскую кровь, как государства, управляемого чужой элитой (читай — коллективным Абрамовичем). Это описание осуществляется только либералом Пионтковским? А национал-патриот Белковский не тем же самым занимается? И ведь не он один!

Это что? Очередной писк патриотической моды? Какой? Уменьшительной моды, не так ли? То есть это писк в стиле очередного русского ада? Распечатываемого — зачем?

А если этот писк соединяется с утверждениями, что и нынешняя эРэФия, и СССР, и Петербургская империя — это все государства-вампиры, то не возникает ли (и не программируется ли?) бессознательный вопрос о свойствах того народа, который строит для себя только государства-вампиры? Или во-

обще не способен сам построить государство, а ему его строят чужаки, чтобы его сосать? А если данный народ настолько несостоятелен в деле государственного строительства, то ему, может, лучше обойтись без государства?

Вы мне скажете, что я выдумываю. А я сижу, между прочим, на заседаниях Общественной палаты, где все это обсуждается вполне открыто. Вот, например, господин Валерий Соловей сделал на эту тему подробный доклад. Я читаю патриотические статьи о корпоративном государстве. И я уже не могу понять, где кончаются либералы с их ерническим “За Родину! За Абрамовича! Огонь!” и где начинаются супер-антилибералы с их страстями по извлечению русских от враждебной им государственности. Или это все два фронта в одной войне? Так тогда второй фронт намного опаснее!

Ну, вот, а теперь, пожалуй, действительно, пора рассмотреть непредвзято какой-то набор возможностей.

ДЕСТРУКТИВЫ И КОНСТРУКТИВЫ

Прежде всего, хочу оговорить, что не считаю в принципе русский национализм чем-то отрицательным. Когда-то в очень непростые моменты, глядя в прибалтийские и иные ненавидящие глаза, просто говорил: “Я русский националист”. То было время, когда многие сегодняшние записные русские националисты были самыми яркими либералами. Но не в прошлых делах дело, а в логике.

Прежде всего, бессмысленно обсуждать плюсы и минусы русского национализма без внятного указания, что такое нация. Нация — это субъект модернизации. Русский национализм (если он национализм) неразрывно связан с успехом русского проекта Модерн, или, иначе, русской модернизации. Русской нации нет. Есть русский народ с великой исторической традицией. Но это не нация! Это народ — держатель империи. Нация может возникнуть вместе с модернизацией. Если она возникнет (а возникнет она при успехе модернизации), то она построит государство. И это государство будет национальным.

Тем, кто в ответ изумится: “Как это не было нации?!”, — я отвечу, что нацию на самом деле изобрела Великая французская революция. И не только изобрела, но и создала. А когда создала, то и национальное государство стало французским способом национального бытия. Во Франции есть нация. Называется она — французы. На этнические кирпичики ее никто не будет разбирать. Потому что это невозможно. И абсолютно разрушительно.

Давайте — коль скоро мы хотим нации — сделаем то, что сделали французы. Такой вариант русского будущего давайте условно назовем “русская Франция”. Не в том смысле, что мы что-то скопируем. А в том смысле, что мы осуществим некий тип трансформации и придем к определенному результату. Если в ельцинско-гайдаровской катавасии был какой-то смысл, то он мог быть только в том, чтобы прийти к этому. А к чему еще?

Итак, есть первый сценарий русского будущего под (еще раз оговорю — условным) названием “русская Франция”.

Хочу сразу оговорить, что подобный сценарий был бы по многим причинам достаточно позитивным. Но его (тоже по многим причинам) очень трудно реализовать. Прежде всего потому, что сам Запад отказывается от проекта Модерн в пользу гораздо более сложной конструкции (управляемый хаос, комбинация постмодерна и премодерна). Тем, кто не видит этого на примере Шотландии или Каталонии, ничего не докажешь, хоть кол на голове теши.

Но кто-то скажет, что мера выделенности этнического субстрата, которая пригодна для Франции, нежелательна для России. Почему она нежелательна? Русский субстрат гораздо больше растворился в имперском котле, чем, скажем так, галльский. Но французы и галльский боялись и боятся обособить. Потому что понимают — мало не покажется.

Русские отважнее французов? Хорошо! Я варианты не обсуждаю. Я их предъявляю один за другим. В каком современном государстве этнический (конфессионально-племенной) субстрат акцентуирован больше, чем во Франции, и больше, чем где-либо еще? В Израиле!

Ультрапатриотические (они называют себя “националистические”) российские круги давно упирали на данное обстоятельство. И подавали его как

крайний негатив. Теперь они превращают его в крайний позитив. Хорошо. Позитив так позитив. Я не оцениваю, я рассматриваю любые возможности любой государственности.

Давайте эту возможность (она же – второй сценарий) назовем условно “русским Израилем”. Конечно же, не в том смысле, что речь идет о русских в Израиле. И не в том смысле, что всех русских поволокут в синагогу. Мы говорим о сценарии, в котором русские так же акцентируют свое этническое (конфессионально-племенное) начало, как это сделали израильтяне.

Итак, “русская Франция” (национальное государство) или “русский Израиль” (этноконфессиональное государство). Назвали варианты – давайте их анализировать.

А анализируя, сразу оговорим, что как “русская Франция”, так и “русский Израиль” – дело далеко не бескровное. Но когда альтернативой является полная ликвидация бытия народа, его физическое исчезновение (в лучшем случае, распыление), то все варианты подлежат рассмотрению. И предпочтения должны быть выведены за скобки. Ну, не выведешь ты их за скобки – их реальный процесс за скобки выведет, а ты один окажешься в этих скобках.

“Русская Франция” – это сценарий, в рамках которого совокупный идентификатор складывается из следующих компонент: язык, гражданство, культурная и историческая преемственность, а также нечто почти неуловимое, но обязательное, именуемое у французов “любовь к Франции” (“l’amour de la France”). Итак, кто такой национальный француз? Это тот, кто идеально владеет французским языком, имеет французское гражданство, растворен во французской исторической и культурной собирательной личности, благоговеет перед Францией. И всё! Точка!

Кто такой национальный русский в этом понимании? Это тот, кто идеально владеет русским языком, является гражданином России, растворен в великой русской культуре и идентифицирует себя в рамках русского исторического потока, благоговеет перед Россией.

Любое добавление к этому набору выводит за рамки данной модели. Причем немедленно и с катастрофическими последствиями. Модерн на то и модерн, чтобы никаких других компонент в идентификацию не вводить. В этом его сила.

Я уже говорил о том, что, беспощадно расправляясь с региональными “заморочками”, будь то Вандея на западе или Прованс на юге, французские якобинцы строили предельно централизованное государство, реагируя на кризис сакральной католической монархической легитимности. Но это государство было государством нации, а не государством этноса. И не надо путать одно с другим. Это слишком безграмотно!

Повторяю, в национальной Франции нет галлов (этноса). В ней есть французы (нация). Правда, в начале Французской революции аббат Сийес призвал революционных галлов к войне против “проклятых франков” (имея в виду под франками правящую династию, особенно австриячку Марию-Антуанетту). Но это, скорее, экзотический эпизод, чем норма.

В рамках этого типа государственного устройства (буде мы хотим его осуществить) нет и не может быть никакого разделения на славян или неславян. И уж тем более возвышения каких-то (кто-то скажет вымышленных, а кто-то – нет) “этнических руссов”. Которые даже не славяне, а еще покруче. И потому даже по отношению к другим славянам (например, к человеку с фамилией на “ко” с российским паспортом, русской языковой и культурной идентичностью) якобы должны иметь преференции.

Не может быть также никаких преференций для православных по отношению к неверующим или инаковерующим. Потому что церковь отделена от государства. И любой гражданин (член сообщества под названием нация) имеет право на любое исповедание или его отсутствие. Но только в частной жизни! Те же французы жестко одернули своих граждан, исповедующих ислам, когда они захотели, например, ходить в государственные школы в платках-хиджабах. И это тоже часть национальной модели устройства государственной и общественной жизни.

Как только эти рамки будут сломаны, как только этот вектор отклонится в любую сторону – надо забыть о нации. И о национализме. Подчеркиваю – любое отклонение от этого вектора должно быть равно запрещено. Вне зависимости от того, куда направлено это самое отклонение.

Если мы ориентируемся на этот принцип построения национального государства, то как мы можем допустить конфессиализацию школы? Любую конфессиализацию. Ведь как только начнется одна (православная) – сразу начнется и другая (исламская). И исламская умма будет это делать гораздо активнее. Те, кто хотят разрушить национальное государство, откроют два фронта. Первый фронт – конфессиализация в пользу малых народов. Второй – конфессиализация в пользу народа-держателя. Поначалу всем покажется, что это два фронта, но вскоре окажется, что два типа оргоруужия работают на одну оргоруужейную цель.

Те, кто начнут возражать, говоря о российской специфике, нерусских анклавах на нашей территории и прочих ограничениях, сразу должны понять, что я не восхваляю этот сценарий. Я его обозначаю наряду с другими. Потому что сейчас все сценарии спутаны в один абсолютно невнятный клубок. Да, за такой сценарий придется платить. Господин Бжезинский прямо называет плату, адресуя русских к последнему возможному для них опыту младотурок. Скорее всего, эта рекомендация господина Бжезинского превратит Россию в кровавый сгусток конфликтов. Но теоретическая возможность построения чего-то подобного есть. И эта теоретическая возможность отличается от соседней.

Я не обсуждаю, зачем это все нужно. И почему нужен этот сценарий, а не третий (американский). Может быть, потому, что принципы устройства Соединенных Штатов Америки очень близки к идеократическому конгломерату, который я описал, рассматривая СССР, Российскую империю и ряд других стран? Просто конгломерат удалось правильно соорудить (пресловутый “плавильный котел” – “melting pot”).

Но перейдем от первого сценария не к третьему, а ко второму.

Представим себе, что радикальный русский этнократизм тяготеет к “русскому Израилю”, а не к “русской Франции”. Что ж, это его право. Еще раз подчеркну, что совершенно не собираюсь имплантировать в данное обсуждение мои приоритеты или предвзятости. Я говорю лишь о возможном. Если этот тип государства для русских возможен – почему его не рассмотреть?

Тех, кто отстаивает любой возможный принцип устройства русского государства, мы назовем ревнителями русского блага. Мы признаем, что у этих ревнителей есть свои представления об этом благе и что эти представления не совпадают с нашими. Мы будем бороться за то, какую концепцию своего блага примет русский народ, этот окончательный судья в нашем споре. В борьбе за свою концепцию блага мы можем даже воевать. Но это еще не значит, что я осмелюсь назвать адепта другой, не моей, версии русского блага “скрытым русофобом” и “деструктором”. Русское историческое бытие висит на такой тонкой нити, что любое неосторожное слово следует исключить, во избежание худшего.

Поэтому, обсуждая такой сценарий, я хочу исходить из сразу заявленных мною принципов “державного сопромата”. Из императивов системной архитектуры то бишь. Из этого, и только из этого. А вовсе не из того, что мне нравится. Но если мы хотим исходить из этого, нам следует присмотреться к тому, как эти императивы сопрягаются с (уже рассмотренной мною) этапизацией новейшей российской истории.

На первом этапе речь шла о распаде СССР. При этом, как я уже говорил выше, распад осуществляла элита, никак не сводимая к абсолютной деструктивности и откровенной ликвидационной русофобии. В составе элиты, делавшей ставку на этот распад, были и откровенные оголтелые русофобы. Там были и настоящие записные деструкторы. Но далеко не только они! Они одни никогда не смогли бы победить. И, положив руку на сердце, следует признать, что абсолютная деструктивность, откровенная русофобия носили скорее крикливо-фоновый характер. За этой декорацией виделось нечто другое. Не хочу сказать, что идеальное и возвышенное, но другое.

Это другое было многоликим и разнокачественным. Специалисты еще долго будут разбирать отдельные слагаемые в пределах такого “восстания кшатриев против брахманов” (КГБ против КПСС). Но в целом речь идет о некоем замысле, в рамках которого Россия, сбросив балласт республик, прежде всего, конечно иноэтнических (Средняя Азия, Кавказ), но не только, построит национальное государство (то есть осуществит, причем ускоренно, проект Модерн). А осуществив его, тут же войдет в Европу.

Крайне важно понять, что внешнее и внутреннее тут полностью совпадают. Потому что в XXI веке национальное государство должно войти в какую-то

наднациональную конфигурацию, не одну, так другую. Империя (США, например, империя) может не входить ни в какую чужую конфигурацию, кроме своей собственной. Но тогда эта империя должна стать сверхдержавой. И тут же должна собирать вокруг себя свою конфигурацию (свой дом).

Русские так всегда и поступали. Но поступали так потому, что могли выстраивать идеократические конструкции и собирать что-то вокруг своего привлекательного идеократического бытия. Как только русские отказываются от подобного собирательства и строят национальное государство – им надо куда-то входить. “Кшатрии” (спецслужбистские элитарии), ратовавшие за проект Модерн и национальное государство, одновременно ратовали за вхождение в Европу.

А вот дальше начинались разночтения.

В одном (минималистском) варианте это вхождение в Европу должно было мирно упокоить русский народ в ряду других народов Запада, ввести этот народ в единое лоно белой оскудевающей расы. Пусть русские войдут в это лоно поздно и потому на скромных правах. Но, войдя, народ хотя бы сохранится. Конечно, в новом историческом качестве.

В другом (максималистском) варианте это же вхождение русских в Европу должно было резко укрепить Европу русскими ресурсами и русским ядерным оружием, подорвать изнутри европейский конгломерат, сделать русских сначала хозяевами Европы, а потом и хозяевами мира – за счет победы укрепленной русскими Европы над США.

Просто знаю (не умозаключаю, а знаю), что без максималистов минималисты не смогли бы одержать верх в борьбе с теми, кто отстаивал советское статус-кво (в том виде, в каком оно было, или в квазикитайском варианте трансформации советского строя). Но, конечно, максималисты были экзотикой. Солью же проекта распада СССР были минималисты. И эти минималисты вовсе не ратовали за русскую погибель. Нет, они так видели русское благо! И в этом их правда! Потому что любая версия блага – это все же версия блага. Это чья-то правда. Отличная от моей, но правда. Да, моя правда – это правда категорического сторонника СССР (конечно же, в постиндустриальной редакции). Ну и что?

Важна-то ведь не моя правда. И не правда моих оппонентов. Важна реальность! Она, и только она. А реальность состоит в том, что Россия (редуцированная моими оппонентами до размеров Российской Федерации), оказалась затем не принята в западный дом. Попросту – не введена в НАТО. Последний шанс на это введение, которое и составляло суть проекта, был дан ситуацией 11 сентября 2001 года. Я помню, как ликовали сторонники данного проекта (как минималисты, так и максималисты), уловив этот шанс.

Мне скажут: “Какие это патриоты ликовали по поводу возможности введения России в НАТО? Патриоты не хотят этого вхождения. Они не хотят растворения России в Западе”.

Во-первых, я знаю, что очень влиятельные (гораздо более влиятельные, нежели те, кто на слуху) и абсолютно патриотичные русские государственники обсуждали эту возможность как очень соблазнительную и единственно спасительную.

Во-вторых, я не понимаю – ну, абсолютно не понимаю, какого рожна хотят эти самые почвенники? Если они не хотят империи, потому что “ноша тяжела”, и не хотят войти в другие надгосударственные конфигурации (евроатлантическую или какую другую), то чего они хотят? Чего хотят они и, тем более, сторонники того, что я назвал “русским Израилем”? Они хотят, чтобы их народ, залезший в скорлупу национального или этнического домика, был просто раздавлен? Оказался между молотом и наковальней? Они, что, не видят, к чему дело идет?

Вот я все еще надеюсь на имперское собирательство. И исхожу из него. С этих позиций я могу говорить о невхождении в чужие дома. Но если нет имперского собирательства, то вхождение в чужие дома аксиоматично. Ведь не рассматриваем же мы всерьез русскую опричнину и автаркию! Ведь понимаем, что такая опричнина и автаркия будут удушены (растоптаны, раздавлены) за несколько месяцев!

Итак, коль уменьшительность (хотя бы вплоть до национального государства), то и вхождение в чужой наднациональный дом. После 11 сентября 2001 года шанс на такое вхождение был максимален. Никто никогда не предоста-

вит, видимо, подобной возможности во второй раз. И нельзя сказать, что президент Путин не пытался отжать все, что можно, из этого шанса.

Но мы и в этот уникальный момент – при, повторяю, абсолютно когерентных моментах действиях Путина – получили от ворот поворот! Тони Блэр предложил тогда ввести Россию в НАТО. Но США отказались. И не они одни.

На следующий день после такого “отлупа” нужно было начать спокойную и неспешную стратегическую ревизию проектных оснований. Ну и?

Прошло шесть лет. Все шесть лет продолжал пропихиваться мертвый проект. Почему? Потому что страшно сказать “он мертв”. А почему так страшно? Потому что этот проект лежит в основе ВСЕХ модификаций ныне властвующей элиты. ВСЕХ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ. И отказаться от него, сохраняя власть, эта элита не может. Не какие-то там отдельные западники – Кудрин, Греф, Зурбов, – а все наши “кшатрии” не знают, что им делать вне этого проекта. Потому что если не самим этим молодым “кшатриям”, то их пожилым и ныне действующим “отцам” придется тогда покаяться за распад СССР.

А это далеко не бесплатное удовольствие. Дело в том, что участие “отцов” (да и самих “кшатриев”) в этом деле не было явным, подобным участию Ельцина или Гайдара, Горбачева или Яковлева. Оно было гораздо более тонким и многозначным. Покаяться – это значит открыть карты. Это значит ущемить амбиции. И это значит...

Словом, это много что значит. И потому мы продолжаем входить в Европу. Под смех и плевки, под иронические ухмылки и пожатие плечами. Как там говорил профессор из драмы Тренева “Любовь Яровая”? “Пустите Дуньку в Европу!”

Одновременно мы обижаемся (или уже не обижаемся?) на Украину, которую эта наша позиция поставила в уникальную историческую ситуацию. Потому что тамошним прорусским силам ничего не остается, кроме как строить суверенную (самостийную) Украину и входить с нею в Европу. Если русские стремятся в Европу (зная, что не войдут), то почему украинцам нельзя туда стремиться (тем более, что их-то возьмут)? И куда им еще прикажете стремиться? Или дело в том, что украинцы в рамках этого стремления обязательно должны предоставить русским возможность торговать Украиной через свой прилавок? А почему?

Если у России есть свой дом, свое открытое сверхдержавное поле, свое “идеократическое небо”, то все понятно. Остап тянется к этому небу. Андрий рвется в Европу.

Но если Россия сама рвется в Европу, то что делать Остапу? При том, что у коллективного Остапа (метафору с именами беру из “Тараса Бульбы” Гоголя) нет своего плана украинской самостийности. У этого Остапа индустриальный потенциал – выше, чем у Андрия? Ну и что? Тут все решают нематериальные активы. У Андрия в вопросе о самостийности эти активы есть. А у Остапа они строго равны нулю. Язык самостийности, ценности самостийности – все это западенское, а не донецкое или одесское. О Крыме уж и не говорю. А значит, Остап не сможет на равных с Андрием строить самостийную Украину.

Остап – это не только метафора. Это конкретные судьбы. Судьбы эти не замыкаются в настоящем. Потому что это судьбы семей и групп. У людей есть отцы и деды. Эти отцы и деды, сражаясь вместе с Москвой, гибли (проливали свою кровь) и губили других (проливали их кровь). Теперь те, кто рассматривают семейные альбомы, должны сказать, что все, считавшееся подвигом, является преступлением или позором? В любом случае, ошибкой. Если дети и внуки этих отцов и дедов живут только в настоящем, то они не люди. А если они живут полноценно, то у них возникает эта проблема. Где решение?

Это ведь не только украинская ситуация. И как из нее прикажете выходить? И что делать, если нет выхода?

Если Россия не сможет построить сверхдержавный дом (империю) и при этом не будет введена в Европу, то куда она войдет? В Китай? А Китай собирается строить нечто соборное и симфоническое? Некий дом не для китайцев, а для других? И у России в этом доме есть место? Особенно с учетом китайских представлений о потере лица? Китайцы, например, не могли себе позволить вслед за нами осудить Сталина, которого раньше вместе с нами хвалили. Их спрашивали: “А почему нельзя?” Они, бледнея, отвечали: “Мы потеряем лицо”.

Если даже осудить Сталина нельзя после того, как его восхваляли (суть

расхождений Мао Цзэдуна и Хрущева), то расплываться с коммунизмом после того, как его строили 70 лет, — это, с точки зрения китайцев, полная потеря лица! Русские пошли на такую потерю лица? Потеря лица лишает права на жизнь. И, уж как минимум, на суверенное государственное бытие.

Так что те, кто хотят теперь “притулиться” к Китаю, очень наивны. Может быть, американцам и нужны русские туземцы в Евразии, потому что своих нет. Но китайцам от нас нужны только ресурсы и территория. Прежде всего, ресурсы. Перспектива очень своеобразная.

А альтернатива в чем? В том, чтобы все время уменьшаться и никуда не входить? Это перспектива жизни или перспектива смерти?

Выше я совершенно спокойно (и на равных с другими вариантами) предлагал рассмотреть в качестве одной из возможностей русского госстроительства “этногосударственный вариант”. И объяснял, почему его следует называть “русский Израиль”. Но главное не в том, почему я так его называю. А в том, что именно к Израилю как эталону скрыто или явно обращаются нынешние лидеры русского этнократизма. Обсуждая “русскую Францию”, я “русский Израиль” не обсудил. Это неправильно. И потому я восполняю пробел.

Во-первых, “русский Израиль”, равно как и “русская Франция”, должен куда-то входить. Куда? Не в Европу и не в Китай... Куда?

Во-вторых, этот тип государственности надо суметь построить. А перед тем как начать строить, внятно дать себе отчет, в чем разница между русскими и евреями. А не кидаться из крайности в крайность, начиная за упокой (то есть проклиная евреев как средоточие ужаса) и кончая во здравие (то есть восклицая: “Давайте мы — как они...”). Что значит “как они”? Обсуждаю и это с позиций идеального “сопромата”.

Есть единство еврейской религии и еврейского этноса. При одновременном мировом статусе еврейской религии (иудаизма). При том, что этот статус иудаизму придало именно христианство, взяв на безусловное вооружение Ветхий завет. У русских такого сплава этноса и религии нет. Опыта тысячелетнего выстаивания в диаспоре — тоже. Компактности проживания тоже нет. Русские “размазаны” по огромной территории. Сбить их в кучу на малой территории может только гигантская катастрофа. А оставаясь размазанными по большой, русские вкусят все, что из этого вытекает. Попросту — трайбализация (отпадение Сибири, южных областей, Северо-Запада) начнется раньше, чем произойдет этническая консолидация.

Да, этническая, а не этноконфессиональная. Конфессиональная (если иметь в виду православие) станет помехой, а не подспорьем на этом пути. Потому что сказано: “Несть ни эллина, ни иудея”. Про русских ничего прямо не сказано, но понятно, о чем идет речь. Об универсализме. И какая при этом этническая консолидация? Если она и произойдет, то на языческих основаниях. Но об этом прямо и говорят поборники уменьшительных моделей. Давайте только осознаем, что то, к чему зовут поборники этноязыческой версии, предполагает кровавый разрыв с православием. Еще один русский ад.

Но и это не все.

В. Соловей — один из наиболее последовательных певцов русской этнической уменьшительной государственности — говорит, что если русская империя — это “русские, живущие для других”, то русское этнократическое государство — это “русские, живущие для себя”. Одновременно все пронизывается намеками на благодать модели “русского Израиля”. Ну что сказать? Тут ведь либо-либо. Если “русский Израиль” как идеал, то “русские для себя” — это полная чушь. Еврей — это не “еврей для себя”. Это еврей для Бога (“для субботы”). Как только он станет “евреем для себя”, все кончится.

А поскольку, в любом случае, Израиль блестяще сдал экзамен на Модерн, а русские “уменьшители” об этом вообще не говорят, то за апологетикой “русского Израиля” явно прочитывается этот самый “второй уменьшительный фронт”, с предположения о наличии которого я начал свое исследование. А там, где фронт, там оргоружие.

Уменьшительный русский этнорадикализм... Причитания о “народе для себя”... Все это в совокупности — не версия блага. Это разновидность оргоружия, призванного уничтожить русских окончательно. Причем не под флагом открытой русофобии, а под флагом комплиментарной уменьшительности.

Чтобы полностью исчерпать данную тему, не хватает еще одной модели в рамках того же этнорадикализма — модели “русского Гитлера”.

Мне глубоко чужды (и прямо скажу – отвратительны) все позитивные апелляции наших этнорадикалов к Гитлеру и все приравнения израильской реальности к нацистской. Это все и выдумки, и фокусы с элементами прямых махинаций. Но здесь я хочу рассматривать концепции только с позиций системной архитектуры. Ненавижу Гитлера – но и его концепцию могу рассмотреть под таким углом зрения.

Немцы – очень практичные люди. И с хорошо артикулированным сознанием. Гитлер не хотел с помощью своей концепции организовать немецкий хаос и ликвидацию немецкого государства. Он хотел установить новый порядок и использовать немецкое государство для мирового господства. Он ответственен и действовал. Немцы оккультно (знаю, что говорю) заточились на евреев. И решили очистить от них государство. Мотивация была сугубо гностическая, но не это сейчас важно.

Важно то, что даже в вопросе евреев немцы ввели нюрнбергскую норму. Ну, к примеру: бабушка-еврей – это еще плохо, прабабушку-еврея уже не считаем. Потому что они понимали, что если они будут считать всех, то начнется разборка, превращающаяся в хаос. И они также понимали, что несколько “разборок” не потянут. Только одну. С евреями – да и то в определенных рамках. Ну, сколько раз надо говорить, что мне это отвратительно? В связи с особым характером темы скажу еще раз. А дальше скажу, что в этом есть отвратительная, но логика.

А теперь представьте себе, что немцы начинают развивать “разборку” со всеми иноэтническими элементами. Например, со славянами. И фон Бюлов (он же Белов) становится не адъютантом Гитлера, а обитателем какого-нибудь концлагеря Заксенхаузен по причине своей этнической нечистоты.

Дальше ищется французская кровь, английская кровь, шведская кровь, польская и так далее. Дело наконец доходит до фюрера и СС. Но еще раньше, чем все это происходит, прусский военный корпус “зачищает” таких сумасшедших. А если он их не “зачищает”, то возникает абсолютное безумие и абсолютный хаос. Даже в относительно однородной Германии. И даже при немецком “орднунге”.

То, к чему призывают умышленные националисты, они же этнократы, в России, буде это случится, обернется не отвратительными мне формами государственности, а полной деструкцией, настоящим хаосом и войной всех против всех. То есть? То есть ликвидацией русских! Ликвидацией, а не спасением! Причем ликвидацией, холодно замышляемой теми, кто курлычет о русском благе.

Если я еще недостаточно детально разъяснил, в чем разница между дискуссией о русском благе и подрывной деятельностью против России, ведущейся под флагом русского дела (новый вариант оргоружия), то... Нет, я не умолкаю. Как умолкнешь, когда у тебя на глазах это все вытворяют! Как умолкнешь, когда детские воспоминания (“помни, помни, как империю разрушали!”) всегда остаются с тобой?

Я уже не раз детально обсуждал этот вопрос в статьях в нашем журнале “Россия-XXI”, а также в докладах созданному мной интеллектуальному клубу “Содержательное единство”. Многие из них опубликованы на интернет-сайте www.kurginyan.ru. Сегодня я опять обращаюсь к той же проблеме. Если понадобится, я к ней буду обращаться вновь и вновь, до тех пор, пока в отечественной политике существует и проявляет свои амбиции “оргоружейный” русский умышленный национализм.

Я пишу этот текст в так называемый День России. Еще недавно он назывался Днем независимости России. Что сказать? В Австрии не празднуют день независимости Австрии от Австро-Венгерской империи. В Англии не празднуют День независимости Великобритании от Британской империи. Это празднуют в освободившихся колониях.

70 лет СССР, 300 лет Петербургской империи – это русское колониальное рабство? Или трагическое величие русского духа, ущемленного и воспаряющего одновременно? Если это было рабство, как нам внушают те, кто под видом заботы о русских выстраивают второй фронт в информационной войне против России, то у русских нет будущего.

Но мы знаем, что оно есть. Что День независимости – это день скорби. День начала нашего странствия. Ну, что ж... “До встречи в Империи!” В великом и самозначимом русском доме.